
НА ГРАНИ ВЕКОВ

В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПАКИСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье рассмотрена история ирригационного строительства и демографического роста в бассейне Инда, «сердцевине» Пакистана. Выявлены причины усилившегося за последние десятилетия экологического кризиса, связанного с нехваткой воды для полива и процессами засоления и заболачивания земель. Сделана попытка рассмотреть особенности базовых ценностей пакистанского общества в сопоставлении с другими типами цивилизационного менталитета, отмечены некоторые характерные черты истории и сегодняшнего состояния общества с точки зрения перспектив преодоления кризисных явлений в социальной и экономической сферах. В заключение упомянуты попытки нынешнего руководства страны избежать приближающейся катастрофы.

Ключевые слова: ирригация, рост населения, дренажные системы, эрозия почв, стабильность и развитие как базовые ценности, креативное меньшинство, патриархальное общество, коррупция, неэффективность государственного управления.

Кризис социально-экологической системы Пакистана – явление достаточно новое, охватывающее последние два-три десятилетия. Но предпосылки кризиса формировались достаточно давно. В конце XIX – первой половине XX столетия в бассейне Инда, который является территориальной «сердцевинной» современного Пакистана, колониальные британские власти развернули широкое по тому времени ирригационное строительство. С этого благоприятного на первых порах явления и начинается нынешний этап социально-экологической эволюции равнин Инда. Предшествующая история, видимо, имеет свои циклы социально-экологической стабильности

и кризисов, но мы их здесь не касаемся. Статья преследует две цели. Во-первых, попытаться применить некоторые подходы отечественной школы социоестественной истории (СЕИ) при анализе современных процессов, связанных со взаимодействием природы и человека в южной части Евро-Азиатского континента¹. Во-вторых, охарактеризовать основные причины и последствия кризисных явлений, охвативших сегодня социально-экологическую систему одного из наиболее населенных и проблемных государств Азии.

Следует особо отметить актуальность последней задачи с международно-политической точки зрения. Исламская Республика Пакистан, как известно, обладает прошедшим испытанием ракетно-ядерным оружием. Она находится в эпицентре борьбы с международным терроризмом, осеняемым лозунгами *джихада* (борьбы за веру в Аллаха), и в то же время сама является, как принято говорить, частью этой проблемы. Пакистан, кроме того, неразрывно связан с продолжающейся более трех десятилетий войной в Афганистане. Социальная «ткань» Пакистана сложна и разнообразна, внутренние конфликты раздирают страну, и некоторые аналитики и наблюдатели выражают неуверенность в ее будущем.

Что касается школы СЕИ, то надо отметить еще недостаточное внимание с ее стороны к такому региону, как историческая Индия, современная Южная Азия². Между тем анализ истории и сегодняшних проблем этого демографически самого крупного в мире ареала в русле триады «природа – технология – ментальность» представляется весьма многообещающим.

Ирригационные работы и демографический рост

К концу XIX в. англичане утвердили свою власть на всем пространстве Индостана, который они назвали «полуконтинентом». Наиболее поздним из их территориальных приобретений были районы современного Пакистана, то есть бассейн реки Инд, состоящий из Панджабской равнины на севере, низменности Синда на юге, пустынно-гористых областей Иранского нагорья и отрогов Гиндукуша к западу и северу от долины Инда и его притоков. Присоединение Панджаба, находившегося с конца XVIII в. под властью сикхских правителей с центром в Лахоре, завершилось после двух

---

¹ См. работы: Кульпин 1996; 2009 и др.

² К числу редких работ по Южной Азии принадлежит статья: Коган 2011.

войн в 1849 г., а княжеств Синда во главе с предводителями из племен белуджей – в 1843 г. Англо-индийским властям удалось поставить под контроль расположенный дальше на северо-запад Афганский эмират со столицей в Кабуле не в полной мере, лишь со второй попытки – в 1878–1881 гг. Превратив Афганистан в буфер между собственной империей и Россией, британские колонизаторы позаботились об укреплении широкой приграничной полосы вдоль Инда.

Индская долина на протяжении многих веков оставалась исключительно малозаселенной. Причиной тому был засушливый жаркий климат и малое количество искусственных, созданных человеком средств орошения. Вода Инда и его притоков протекала по равнине, почти не задерживаясь на полях. Лишь в дельте реки она отчасти расходилась по каналам паводкового орошения, а в предгорных северных районах было возможно богарное земледелие благодаря муссонным дождям.

Впрочем, местные правители, крупные землевладельцы и общины земледельцев строили плотины, запруды и дамбы, но масштабы работ по орошению были ограничены. В период расцвета империи Великих Моголов в XVI–XVII вв. и в сикхском государстве уже в начале XIX в. каналы паводкового орошения сооружались в междуречье восточных притоков Инда – рек Рави, Биаса и Сатледжа. Благодаря им процветали Лахор и Мултан, ряд городов в восточной части бассейна Инда в зоне его перемычки с бассейном Ганга и Джамны. Ирригационные работы велись также в среднем течении реки, в северной части Синда. За спорадическими периодами внимания к орошению следовали годы небрежения к нему и разрушения построенных ранее систем.

Занявшись обустройством приграничной зоны, англичане организовали строительство и ремонт дорог для колесного транспорта, проложили сотни тысяч километров железных дорог и приступили к сооружению ирригационных каналов. При этом главными для них были военно-стратегические цели, активно подпитываемые страхом перед экспансией царской России в южном направлении. Кроме того, англо-индийские власти на протяжении многих десятилетий сталкивались с сопротивлением приграничных горных пуштунских племен, стремившихся сохранить свою независимость.

Сооружение плотин и оросительных каналов в междуречьях западных притоков Инда Джелама и Чинаба, Чинаба и Рави было

крупным достижением инженерной мысли и строительного искусства. Вслед за Сидхнайским каналом, прорытым от Рави к г. Мултан в 1886 г., в строй вступил Нижнеджеламский канал в 1892 г., затем Верхнеджеламский и Верхнечинабский, а в 1915 г. был завершен Тройной канал, перебрасывавший воды Джеламы и Чинаба на восток – в Рави (Фридланд 1968: 43).

Строительство каналов вызвало эффект, всколыхнувший всю англо-индийскую провинцию Панджаб, в состав которой, кстати, до 1911 г. входил Дели. Власти создали в междуречьях (*доабах*) «колонии на каналах», отделенные друг от друга крупные участки орошенной земли. Там появились специальные фермы по разведению лошадей, необходимых для армии, хозяйства по производству пшеницы и фуражного зерна, главным образом грэма (бобовых). Хотя система наделения новоорошенной землей стала со временем все менее поощрять рентабельные крестьянские наделы, урожаи в западной части Панджаба выросли, наблюдался заметный приток туда населения.

Росту населения в «диких», не затронутых земледельческой колонизацией районах способствовали другие причины – борьба властей с разбоем и насилием, наведение порядка с помощью полиции и судов. До завоевания полуострова Индостан англичанами население бассейна Инда в границах современного Пакистана насчитывало, по оценкам, не более 3–4 млн человек, а через столетия, по данным переписи 1901 г., оно увеличилось до 17 млн, то есть не менее чем вчетверо (Белокреницкий 1988: 21; 1982: 10).

Рост населения продолжался и в XX в. Однако из-за эпидемий холеры, чумы, малярии и оспы в 1901–1921 гг. он был довольно медленным. На рождаемости в годы Первой мировой войны отрицательно сказывался отъезд молодых мужчин. Ведь из более 1 млн индийских военнослужащих, принимавших участие в сражениях, большинство были выходцами из Панджаба, и не менее трети – панджабские мусульмане. В конце войны Индию затронули также эпидемии тифа и гриппа (испанки). Постоянно возрастающими темпами население стало увеличиваться лишь между 1921–1941 гг., когда удалось справиться с наиболее губительными эпидемиями. Число жителей на территории Пакистана к 1941 г. увеличилось до 28 млн человек.

Хотя преобразовательная деятельность колониальных властей пошла после Первой мировой войны на спад, в середине 1920-х гг.

ирригационные работы возобновились, охватив юго-восток современного пакистанского Панджаба (междуречье Рави и Сатледжа), а также Синд. В Верхнем Синде в 1932 г. вступила в строй одна из крупнейших тогда в мире плотин у г. Суккур. Система каналов, связанных с Суккурской плотиной, имела огромную подкомандную площадь – 3,2 млн га. В начале 1960-х гг. с ее помощью орошалось свыше 2 млн га (Фридланд 1968: 39–40).

Ирригационное строительство с новой силой развернулось после Второй мировой войны и образования Исламской Республики Пакистан в 1947 г. За 1949–1955 гг. в Нижнем Синде была сооружена крупная плотина Котри, давшая воду дельтовой части Инда. Тогда же был разработан и принят проект освоения пустынных областей к западу от Инда путем сооружения на нем ряда плотин и отводных оросительных каналов.

Демографическому росту немало содействовал и крупнейший международный проект по разделу вод Индского бассейна между Пакистаном и Индией и его освоению, осуществленный под эгидой МБРР (Международного банка реконструкции и развития). Договор о водах Инда был скреплен в 1960 г. подписями руководителей двух соседних государств и предусматривал помощь Пакистану различных государств, в том числе Индии, а также международных организаций (Там же: 50–53; Ярковая 1970). В его рамках к концу десятилетия была построена плотина и гидроэлектростанция Мангла в верховьях Джелама, а к середине 1970-х гг. – самая крупная в мире земляная плотина и ГЭС Тарбела в верхнем течении Инда.

Строительство оросительных систем в бассейне Инда создало крупнейший в мире массив орошаемых земель, связанный с одной речной системой. Эта компактная зона ирригации уже в начале 1960-х гг. давала возможность оросить около 14 млн га, что составляло 12 % всех поливных земель мира (Фридланд 1968: 47).

Ирригационное строительство сопровождалось преобразованиями в агрикультуре – использованием химических удобрений, пестицидов, более урожайных сортов пшеницы и риса. Обусловленные этим сдвиги получили название «зеленая революция» и позволили существенно повысить урожаи. В результате Пакистан перестал быть чистым импортером продовольствия. Решение продовольственной проблемы при почти неизменных социальных условиях в деревне и малых городах подстегнуло рождаемость.

Понимая опасности «демографического конвейера», пакистанское правительство в 1960 г. объявило о мерах по планированию семьи. Однако попытка осуществления реформ в этой и ряде других областей натолкнулась на жесткое сопротивление консервативно настроенного общества. Потерпев неудачу, власти Пакистана в дальнейшем не принимали новых программ по уменьшению рождаемости, положившись на формальные малоэффективные механизмы и стихийные общественные регуляторы (Pakistan... 1977: 224–225; Lieven 2011: 30).

По переписи 1951 г. число жителей современного Пакистана (тогда это была западная часть государства, состоявшего из двух разделенных Индией территорий) равнялось приблизительно 34 млн человек. При этом из западной части страны после раздела 1947 г. за несколько месяцев бежали в Индию, по последним оценкам, 4,7 млн индусов и сикхов, а прибыли 6,5 млн мусульман, то есть чистый приток равнялся почти 2 млн человек (Hasan 2009: xxxii). Через 10 лет население выросло до 46 млн, а по переписи 1972 г. – до 65 млн человек. Прирост за два десятилетия превысил 20 млн, но был по темпам перекрыт в следующие десять лет. Перепись 1981 г. показала небывалое увеличение численности – до 84 млн человек (среднегодовой прирост 3,2 %). Власти не смогли организовать проведение переписи в начале 1990-х гг., а по результатам переписи 1998 г. величина пакистанского населения составила 131 млн человек. Оценки на 2010 г. варьировались в пределах 170–180 млн человек. Темпы прироста считались равными 2,2 % (а в официальных изданиях и публикациях международных организаций, даже таких, как Служба народонаселения ООН, приводились и более низкие показатели), что представлялось компетентным наблюдателям серьезной недооценкой (Lieven 2011: 30, 518).

Такая точка зрения нашла подтверждение в опубликованных в марте 2012 г. предварительных данных новой переписи населения (перепись домохозяйств была проведена в конце 2011 г.). Согласно им число жителей в Пакистане увеличилось за 13 лет на 47 % (почти в полтора раза) – до 192 млн человек (Khan 2012). Средние темпы прироста населения составили небывало высокие показатели – 3 % в год. Численность среднестатистического домохозяйства, по существу, не изменилась (6,9 и 6,8 человек). При наблюдающихся темпах демографического роста пакистанское население должно удваиваться каждые 23 года.

Население Пакистана, который нередко справедливо называют «даром Инда», как Египет считают «даром Нила», увеличивалось куда быстрее египетского. В 1911 г. число жителей долины Инда не превышало 20 млн человек, а через 100 лет возросло примерно в 10 раз. Между тем численность жителей Египта в 2010 г. не превышала 70 млн человек. Оценки будущего роста пакистанского населения могут показаться невероятными. В 2020 г. оно при сохранении нынешнего тренда составит 210–220 млн, а к 2050 г. Пакистан с 335–350 млн жителей выйдет, скорее всего, на четвертое место среди крупнейших государств мира вслед за Индией, Китаем и США.

Истощение ресурсов пресной воды и эрозия почвы

С природно-климатической точки зрения Пакистан принадлежит, по определению В. А. Пуляркина, к восточному флангу «начинающегося близ атлантического побережья Африки великого пояса тропических и субтропических пустынь и полупустынь» (Фридланд 1968: 27).

Среднегодовые осадки составляли в Пакистане в конце 2000-х гг. 240–250 мм в год и были слишком малы для страны с плотным населением более 220 человек на кв. км (Lieven 2011: 30). За годы независимости количество доступной пресной воды в расчете на человека сократилось с 5600 куб. м почти до 1200 тыс. куб. м (2005 г.), а рубеж в 1000 куб. м считается критическим для выживания нации-государства (Waslekar 2005: 55).

Основным источником воды являются Инд и его притоки. Между тем в Гималаях, откуда берут начало все реки Пакистана за исключением северо-западных притоков Инда (р. Кабул и др.), происходит ускоренное таяние ледников. Существует точка зрения, что ледники, питающие Инд и основные его притоки, могут исчезнуть к 2035 г. Даже если этого не произойдет, наметившаяся тенденция осложнит жизнь Пакистана и в отдаленной, и в достаточно близкой перспективе. По некоторым расчетам, потребность Пакистана в воде к 2025 г. возрастет до 338 млрд куб. м, а наличие ее будет приблизительно таким, как в 2009 г. – 236 млрд куб. м. Разница в 100 млрд куб. м равна двум третям ежегодного стока Инда (Lieven 2011: 32).

Обрабатываемая площадь благодаря ирригационному строительству, продолжавшемуся без перерыва более 100 лет, увеличи-

лась примерно в 10 раз. К концу 1980-х гг. орошаемая площадь составила 16 млн га и равнялась 77 % общей посевной площади. На многих орошаемых участках посевы производились дважды в год. Во многом благодаря ирригации существенно увеличилась общая обрабатываемая площадь, достигшая четверти всей территории. Впоследствии эти соотношения мало изменились.

Но используемая для орошения вода оказалась не только благом, но и источником бед. Еще в конце XIX в. обнаружилось такое явление, как заболачивание. Оно не только способствовало распространению малярии, но и выводило из строя орошенные земли. В 1930-е гг., когда большое число оросительных каналов уже было построено, специалисты окончательно убедились, что главной причиной заболачивания является не застаивание дождевых вод, а оросительные каналы. До половины проходящей по необлицованным каналам воды просачивалось в почву, что вызывало поднятие уровня грунтовых вод и заболачивание, а также еще более серьезную эрозию почвы – засоление (Фридланд 1968: 58–59).

Принятые меры – облицовка старых каналов и сооружение новых, уже облицованных кирпичом – осуществлялись медленно и не могли снизить темпы заболачивания и засоления площадей. Образование солонцов и солончаков стало непереносимым спутником орошения. В начале 1960-х гг. в рамках реализации договора о водах Инда и развития ирригации в Индском бассейне власти Пакистана приняли широкую программу мелиорации. Основными ее методами были признаны строительство дренажных каналов открытого и закрытого типа для отвода воды из заболоченных и засоленных участков, а также сооружение трубчатых колодцев с насосами для откачивания грунтовых вод (с целью понизить их уровень).

Программа установки землевладельцами трубчатых (артезианских или скважинных) колодцев получила широкую поддержку в деревнях. Однако откачиваемая из колодцев частными собственниками вода служила прежде всего целям орошения. С помощью трубчатых или скважинных колодцев к концу 1980-х гг. орошалось около 20 % всей орошаемой площади (Морозова 1991: 183). Иначе говоря, колодцы, предназначенные для мелиорации, лишь усугубили проблему засоления и заболачивания. Ежегодно на поля через систему скважинных колодцев поднималось в 1980-х гг. до 0,6 т солей на 1 га посевной площади. По официальным данным, в середине 1980-х гг. около 40 % посевных площадей в долине Ин-

да были сильно засолены, причем в Пенджабе к этой категории относились более 30 % всех посевных площадей, а в Синде – свыше 80 % (Фридланд 1968: 64; Морозова 1991: 184).

Реализация других программ мелиорации оказалась трудным и дорогостоящим делом. Помимо проблемы грунтовых вод на увеличении площадей, непригодных к обработке, сказывалась ветровая эрозия из-за неправильной распашки склонов и интенсивного выпаса скота (Морозова 1991: 185).

Влажные сезоны начала 1970-х гг., сопровождавшиеся разрушительными наводнениями летом в 1973, 1974 и 1976 гг., на время несколько улучшили увлажняемость почв, что, видимо, успокоило правящие круги. В то же время в паводковый период и в 1970-х гг., и в последующие десятилетия плохо работала система защитных дамб, построенных вдоль каналов. Вода часто прорывала дамбы и затоплила поля, губя урожай.

На рубеже 1990-х гг. большие площади сельскохозяйственных угодий оказались сильно засолены, заболочены или эродированы. Вследствие нерационального использования земельных и водных ресурсов площадь обрабатываемых земель сокращалась: в 1970–1980 гг. – более чем на 50 тыс. га в течение года (Там же: 181).

Важно отметить, что в середине 1970-х гг. основные работы в рамках договора о водах Инда завершились. Наступил перерыв в крупном ирригационном строительстве и эффективной мелиорации. Проекты сооружения новых плотин только обсуждались, сопровождаясь острыми спорами между провинциями, расположенными в верхнем и нижнем течении рек. В итоге расход используемой для орошения воды речной системы сократился между 1980-ми гг. и серединой 2000-х гг. почти в два раза, снижаясь в начале нынешнего века на 6,6 % в год (Waslekar 2005: 55).

В крайне тяжелом состоянии оказалась дельтовая часть Инда. Поднявшийся уровень моря затопил часть суши в районе расположенных к востоку от Карачи рыбацких поселений. Одновременно вышли из строя, заилились русла оросительных каналов, берущих начало у плотины Котри. Бедствия обрушились на целые округа – Бадин и Тхатта – и вызвали вынужденные миграции людей, смену занятий, падение и без того крайне низкого уровня жизни (Hasan 2009: 113–128; 2011: 81–88).

Пауза в затратах и производимых работах в области сельскохозяйственной инфраструктуры особенно остро почувствовалась

в начале XXI в. в связи с тремя подряд крайне засушливыми сезонами (2000–2002 гг.). В докладе Всемирного банка от 2004 г. утверждалось, что Пакистан является одной из самых не обеспеченных водой стран мира. Зависимость его системы орошения от одной речной системы крайне опасна. Деградация дельтовой части Инда будет продолжаться, а ситуация лишь ухудшится. Несмотря на это, отмечали авторы доклада, ни правительство Пакистана, ни иностранные доноры, в том числе Всемирный банк, не проявляют должной степени озабоченности и не разрабатывают ответы на социально-экологический кризис и брошенный этим колоссальный вызов (Lieven 2011: 32).

Подтверждением серьезности катаклизмов, которые ожидают Пакистан, стало самое разрушительное за всю его историю наводнение летом 2010 г. Муссонные дожди подняли воду в реках равнины Инда. В сочетании с более интенсивным таянием ледников это привело к подъему уровня воды во всей системе, разливу рек, прорыву защитных дамб каналов. Вода прокатилась волной по всей Индской равнине, затопивая деревни, целые города и городские кварталы. Около 2 тыс. человек погибло, а в той или иной мере пострадало примерно 20 млн человек. К счастью, основные плотины и головные сооружения систем орошения выдержали испытание, иначе последствия были бы еще более страшными (*Ibid.*: 31). Между тем период влажных сезонов продолжается. Муссонные дожди летом 2011 г. также пришли раньше и были сильнее, чем обычно. От наводнения в очередной раз пострадало население дельтовой части Инда.

Пакистан имеет очень низкие показатели использования дождевой воды. Он отстает в этом отношении от Индии и находится далеко позади Китая. Между тем чтобы собрать воду и использовать ее для орошения, нужны относительно небольшие вложения и применение малоквалифицированного труда. Тем не менее работы по сохранению и использованию в целях орошения дождевой воды почти не развернуты (*Ibid.*: 33).

Стабильность вместо развития

Давая такой подзаголовок этой части статьи, автор далек от мысли механически распространить концепцию Э. С. Кульпина-Губайдуллина на рассматриваемый случай (Кульпин 2009: 5–9). Дело в том, что масштабы явлений, которые он сравнивает между

собой – **стабильность** как сквозной ценностью-вектор китайской цивилизации и **развитие** как результирующая ценность западноевропейской цивилизации – несопоставимы с нашим масштабом. Но определенные проявления найденной им дихотомии Восток – Запад заметны и на примере ценностного менталитета, сложившегося в рамках пакистанской, а беря более глубокий исторический интервал – Индской, цивилизации, имея в виду не протоиндийскую, а мусульманскую ее эпоху.

При этом характерны и отличия китайской, конфуцианской системы ценностей от индско-пакистанской, сформировавшейся в более узких локальных рамках. Главное из них – отсутствие в последней государства как ценности-объекта. Индско-пакистанская культура сложилась на фундаменте общинно-клановых, земледельческих и племенных, военно-кочевых традиций, а ее верхние этажи с религиозными и имперскими центрами находились, как правило, за пределами территории. Более того, если в конфуцианской системе стабильность вытекает из таких составляющих, как мир, порядок, иерархия и ритуал, то в Индском бассейне стабильность, можно сказать, динамическая стабильность, обеспечивалась войной, беспорядком, борьбой за честь и справедливость. Разумеется, война не была постоянной, а беспорядок как отсутствие государственного надзора сменялся периодически утверждавшимся сверху порядком или полупорядком, но готовность племен, кланов, больших семейных групп и отдельных индивидов к столкновениям, тяжбе, сведению счетов, мести и ответу на оскорбление была и остается характерным свойством национального менталитета. Особое значение при этом имеет понятие чести (*izzat, ghayrat*). В Пакистане на различных этажах общественной лестницы действует свой кодекс чести и понятие о справедливости, вытекающее из него.

Не углубляясь далее в эту тему, подчеркнем, что **развитие** в качестве ценности-вектора отсутствует не только в традиционном китайско-конфуцианском, но и в индско-пакистанском менталитете. Это не означает, конечно же, что экономическое развитие современного типа невозможно в Китае, на всем Дальнем Востоке, в Пакистане или в Южной Азии, в той же Индии, но это, видимо, предполагает необходимость каких-то сдвигов в предпочтениях (менталитете) большинства либо наличие групп меньшинств, которые позволяют осуществить реализацию такой ценности, как развитие.

Рассматривая Пакистан, стоит указать, что непрерывный и достаточно внушительный экономический рост носил там по преимуществу экстенсивный, поверхностный характер. Экономика росла более вширь, чем вглубь, не меняя реалий существования масс населения. Это позволило сохранить в неприкосновенности базовые ценности исторически сложившейся культуры.

Основными носителями менталитета *развития* выступали при этом представители меньшинств. В колониальный период в бассейне Инда это были главным образом индусы (кастовые индусты) – торговцы, купцы и ростовщики, а также сикхи – землевладельцы и «капиталисты» (владельцы городской недвижимости и иных материальных активов). Среди предпринимателей была и мусульманская прослойка, но небольшая, связанная в основном с торговыми мусульманскими общинами, преобразовавшимися из торговых каст индусов в связи с переходом общин в ислам под покровительство мусульманских правителей (Левин 1965).

В первый период после получения независимости Пакистан стал «меккой» для торговцев-мусульман из Гуджарата, которые и до того переселялись в Синд и его основной торговый центр – порт Карачи. Обосновавшиеся в Пакистане купцы и торговцы из гуджаратских семей *мемонов, ходжа-исмаилитов, бохра* превратились в костяк небольшого слоя ведущих промышленников и банкиров. Их предпринимательская деятельность во многом обеспечила промышленный подъем Пакистана в 1950–60-х гг. Индустриальный рост на базе частного сектора закончился после широкой национализации в начале 1970-х гг. Бегство капитала из страны стало ответом на действия властей. Несмотря на происходившую в дальнейшем смену правительств, отношение к предпринимательским меньшинствам до сих пор, по существу, не изменилось. Последовавшая в результате эмиграция предприимчивых гуджаратцев, парсов и других «инонационалов» стала трудновосполнимой утратой для экономического и социального развития страны.

Кризис, грозящий катастрофой

Отсутствие соответствующего ценностям развития менталитета большинства, в том числе отражающей и формирующей его элиты, ставит под серьезное сомнение перспективы выхода Пакистана из того тупика, в котором он ныне оказался по причине социально-экологического кризиса.

Прорыв осуществить трудно вследствие ряда сформировавшихся социально-психологических и экономико-политических особенностей. Их можно резюмировать в следующих пяти пунктах, которые перечисляются не в порядке значимости и могут быть дополнены другими.

1. *Отсутствие (нехватка) креативного меньшинства.* Отъезд «инонациональной» буржуазии сыграл здесь главную роль. Возместить его оказалось нелегко. Средний класс формируется с трудом. Он отягощен не свойственной для предпринимателей ментальностью аграрного и служилого, а не торгового населения. Имеются, впрочем, исключения – это семьи мусульман, потомственных торговцев Панджаба (семьи *шейхов* и *ходжа* из г. Чиниот на реке Джелам и ряд других групп), выходцы из Кашмира и т. п., но их масса не достигает, как нам кажется, критически необходимого уровня.

2. *Коррупция госаппарата.* По показателям коррумпированности Пакистан занимает одно из первых мест в мире. Коррупция распространена как среди мелких служащих, берущих деньги за любую услугу, так и среди крупного чиновничества. Принимающим решение бюрократам полагается «откат». Считается, что особенно коррумпированы занимающие высокие административные посты политики, торопящиеся извлечь выгоды из своего положения. Главное следствие коррупции – неэффективность регулирующей роли государства, произвол и кумовство при решении вопросов о приватизации госсобственности и распределении госзаказов. Еще одно следствие коррупции – уход от уплаты налогов и сборов в государственную казну. Недостаток доверия к использованию государством бюджетных средств способствует уклонению обеспеченных слоев и обману, на который легко идут невысоко оплачиваемые налоговые инспекторы. Пакистан отличается традиционно низким отношением суммы налоговых поступлений к ВВП, который при всех усилиях властей остался в 2000-е гг. не выше 10–12 % (Jones 2009: 307).

3. *Недостаточный уровень и качество образования, особенно женского.* По грамотности населения Пакистан отстает от большинства стран Азии, находясь на уровне государств Тропической Африки. Официально к грамотным причисляют ныне 56 % всего взрослого (старше 15 лет) населения, при этом грамотность среди мужчин не достигает 70 %, а среди женщин – 45 % (Lieven 2011: 518). Особенно велика доля неграмотных среди женщин, прожи-

вающих в сельских местностях и в захолустье. Во многих пуштунских и белуджских областях грамотных женщин менее 15 и даже 10 %. По некоторым данным, большинство детей школьного возраста в Пакистане не имеют возможности закончить даже начальную школу, а многие совсем не посещают школу из-за бедности родителей и нехватки учебных заведений. Особенно это касается образования женской части подрастающего населения. Низкая грамотность женщин способствует сохранению традиций патриархального мужского общества. Причем его лидеры, к которым относятся старейшины и муллы (служители культа), стремятся нередко закрепить неграмотность женщин, чтобы оградить себя от угрожающих их статусу перемен.

4. *Неверие городской образованной молодежи в будущее страны.* Среди студенческой молодежи в современном Пакистане преобладают пассивные настроения. По сравнению с поколением конца 60-х – начала 70-х гг. прошлого века нынешние студенты деполитизированны (Hasan 2009: xx–xxi). Распространено стремление эмигрировать. По данным представительных для всей страны опросов 38 % молодежи хотят выехать для работы за рубеж (*Ibid.*: xxviii). В городах, особенно крупных, этот процент, по-видимому, еще выше. Верхние (элитные) слои по сложившейся традиции посылают своих детей (главным образом юношей) учиться за границу. В местных колледжах и университетах большинство составляют выходцы из средних по доходам слоев, растет число и удельный вес девушек, получающих образование во многом из соображений престижа (чести). При этом качество образования существенно не дотягивает до мирового уровня. Среди преподавателей распространены узкие националистические взгляды и представления.

5. *«Геттоизация» верхов и политического либерализма.* В крупных центрах Пакистана сложилась характерная когда-то и для колониальных городов раздвоенность пространства – произошло обособление верхов в своеобразные «гетто» для избранных: представителей потомственной местной аристократии, так называемых «феодалов», политиков и адвокатов, отставных бюрократов и военных; причем все эти категории нередко совмещаются в рамках одной фамилии, родственной группы. На уровне социальной психологии и социального поведения легко увидеть «двуликость» элиты, ее раздвоенность между внешним, западным миром и миром внутренним. Отношение к последнему амбивалентно, ибо, отталкивая архаичностью, он притягивает привычными, наследуемыми пре-

имуществами. Социальная элита в целом цинична, подвержена фатализму и ксенофобии. Либеральные идеи отторгаются, а попытка либеральных деятелей выступить против одиозных законов наталкивается на ожесточенное сопротивление. Выражение различных взглядов не возбраняется, но элита через государство поощряет в основном наиболее консервативные из них, окрашенные в цвета религиозного обскурантизма.

Заключение

В завершение отметим, что формы катастрофы, к которой может привести кризис, предвидеть трудно. Будет ли это развал страны, превращение ее в агрессивное радикально-исламское государство, грозит ли это применением ядерного оружия, войной с Индией или Афганистаном? Вопрос остается открытым.

Не исключено, впрочем, что катастрофы можно будет избежать. В последнее время власти страны обращают повышенное внимание на проблемы ирригации и мелиорации. Президент А. А. Зардари пытается перенять опыт Китая. Он стал частым гостем не только первых лиц Поднебесной, но и ее провинциальных руководителей. Выходец из засушливого Синда и белудж по происхождению, президент старается способствовать сооружению малых плотин в южной части страны на стыке трех провинций – Панджаба, Синда и Белуджистана.

Что касается крупного ирригационного строительства, то и здесь произошли некоторые подвижки. Решен, наконец, ведущийся не один десяток лет спор о плотине Калабагх в среднем течении Инда. Поддерживавший проект Панджаб пошел навстречу Синду и СЗПП, выступавшим против него. Утвержден проект сооружения другой плотины – Даймер-Бхаши – в верхнем течении Инда. Она должна вступить в строй в 2015–2016 гг. Выполнение проекта будет означать возобновление крупного ирригационного строительства, перерыв в котором составит в этом случае почти полвека.

Важнейшая часть работ по ослаблению социально-экологического кризиса связана с мелиорацией, расширением масштабов и повышением эффективности мелиоративных мероприятий. Иностранная помощь и международный опыт именно в этой области, как считают внимательные аналитики, были бы наиболее полезны Пакистану и помогли бы ему миновать дорогу, ведущую в пропасть.

Литература

- Белокреницкий, В. Я.**
1982. *Пакистан: особенности и проблемы урбанизации*. М.: Наука.
1988. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX в)*. М.: Наука.
- Коган, А. И.** 2011. Трансформация культуры и технология основного хозяйственного процесса в Кашмирской долине в VIII–XIX вв. *История и современность* 1(13): 114–127.
- Кульпин, Э. С.**
1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей.
2009. *Восток. Природа – технологии – ментальность*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Левин, С. Ф.** 1965. Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма (на примере бохра, меманов, ходжа). В: Котовский, Г. Г. (гл. ред.), *Касты в Индии: сб. статей*. М.: Наука.
- Морозова, М. Ю.** 1991. Сельское хозяйство. В: Ганковский, Ю. В. (отв. ред.), *Пакистан*. Справочник. М.: Наука.
- Фридланд, В. М.** 1968. *Между Гималаями и Аравийским морем*. М.: Главная редакция географической литературы.
- Ярковая, С. С.** 1970. Проблемы раздела вод Инда между Индией и Пакистаном. В: Казакевич, И. С. (отв. ред.), *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: проблемы истории и экономики: сб. статей*. М.: Наука.
- Hasan, A.**
2009. *The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan*. Karachi: Oxford University Press.
2011. *Migration and Small Towns in Pakistan*. Karachi: Oxford University Press.
- Jones, O. B.** 2009. *Pakistan. Eye of the Storm*. 3rd ed. New Haven; London: Yale University Press.
- Khan, A. S.** 2012. Population Shoots up by 47 Percent since 1998. The News, Lahore, March 29, 2012 (Electronic version). URL: www.thenews.com.pk
- Lieven, A.** 2011. *Pakistan. A Hard Country*. London: Penguin Books.
- Pakistan** Economic Survey 1976–77. Islamabad: Government of Pakistan, 1977.
- Waslekar, S.** 2005. *The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Inside: Fire, Water, Earth*. Mumbai: Strategic Foresight Group.